

RU

Педагогическая деятельность казанских дворянок в конце XIX – начале XX века

Миронова Е. В.

Аннотация. Цель статьи заключается в реконструкции педагогической работы дворянок Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. Научная новизна заключается в том, что впервые на основе источников личного происхождения было воссоздано участие представительниц казанского дворянства в сфере образования и просвещения. В статье проведен сравнительный анализ двух моделей педагогической деятельности – основательницы сельской школы и руководителя столичного учебного заведения. Показаны задачи, которые ставили женщины, вступая на профессиональный путь, трудности, с которыми приходилось сталкиваться в процессе работы. Кроме того, изучены взаимоотношения с коллегами и учениками. Исследованы методы, на которые опирались дворянки в учебно-воспитательной работе. В результате установлено, что, несмотря на модернизацию социально-экономической жизни общества в Российской империи, в конце XIX – начале XX в. дворянки продолжали жить в рамках традиционных представлений о роли женщин. Деятельность в области образования и воспитания была характерна для женщин, основное призвание которых сводилось к замужеству и материнству. Однако в рассматриваемый период для женщин, и дворянок в частности, занятие педагогикой становится источником дохода и возможностью для самореализации в новом качестве.

EN

Pedagogical activity of Kazan noblewomen in the late 19th – early 20th centuries

Y. V. Mironova

Abstract. The aim of the article is to reconstruct the pedagogical work of noblewomen in the Kazan Governorate at the turn of the 19th and 20th centuries. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, based on sources of personal origin, the participation of representatives of the Kazan nobility in the sphere of education and enlightenment has been reconstructed. The article conducts a comparative analysis of two models of pedagogical activity – the founder of a rural school and the head of a capital city educational institution. The tasks set by women upon embarking on a professional path and the difficulties encountered in the process of work are demonstrated. In addition, relationships with colleagues and students are examined. The methods relied upon by noblewomen in educational and upbringing work are investigated. As a result, it was established that, despite the modernization of the socio-economic life of society in the Russian Empire, in the late 19th – early 20th centuries, noblewomen continued to live within traditional notions regarding the role of women. Activity in the field of education and upbringing was characteristic of women whose main calling came down to marriage and motherhood. However, during the period under consideration, engaging in pedagogy became a source of income and an opportunity for self-realization in a new capacity for women, and noblewomen in particular.

Введение

Актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью изучения педагогической деятельности дворянок как характерного явления в сфере образования в пореформенную эпоху. Данный период интересен изменением представления о труде женщин и широким вовлечением их в социально-экономические отношения. А изучение конкретных примеров позволяет увидеть повседневную практику женщин-педагогов, конфликты и творческие решения.

Были поставлены следующие задачи:

- проанализировать личные убеждения и социальные ожидания от учительской работы К. Н. Боратынской, методы, которые она использовала в работе, трудности, возникавшие в процессе трудовой деятельности;

– выявить и охарактеризовать условия прихода М. Л. Казем-Бек на руководящую должность столичного учебного заведения, основные направления административной работы, решение организационных вопросов.

Основным методом исследования выступил биографический, с помощью которого через индивидуальную судьбу была реконструирована педагогическая деятельность казанской дворянки в конце XIX – начале XX в. В рамках данного метода была произведена контекстуализация личности с целью определения, как соотносилась выбранная социальная роль с другими – в пределах семьи, сословия, как идеи известных педагогов-мыслителей и традиции дворянской благотворительности воплощались в школе К. Н. Боратынской.

Историко-биографический метод позволил при анализе дневников М. Л. Казем-Бек реконструировать профессиональный путь дворянки-начальницы института благородных девиц, узнать, как она пришла к должности, ее социальную роль, с какими трудностями сталкивалась.

Гендерно-ориентированный подход был применен для выявления влияния на работу дворянок гендерных ожиданий эпохи, увидеть, как сочетались традиционные представления о «женской роли» и стремление к профессиональной самореализации.

Проведен сравнительный анализ мотивов, деятельности и результатов работы на педагогическом поприще двух казанских дворянок – основательницы сельской школы К. Н. Боратынской и начальницы закрытого женского учебного заведения в столице Российской империи М. Л. Казем-Бек.

Теоретическая база исследования. Заявленная тема представляет собой многоаспектную историографическую проблему. Исследователи показывают в своих работах, как педагогическая деятельность давала представительницам высшего сословия финансовую независимость. Особенно это получило актуальность в пореформенное время, когда пошатнулось материальное положение дворянства и женщины всерьез задумывались над источниками дохода. Если личные дворянки и дочери чиновников с детства целенаправленно получали образование для дальнейшей профессиональной самореализации (Миронова, 2026), то потомственные дворянки к этому заранее не готовились (Миронова, 2025). Решение о поступлении на работу они принимали уже будучи взрослыми, после получения домашнего образования или в институте и гимназии, под влиянием своих идейных предпочтений (Миронова, 2025, с. 390). Как отмечает исследователь В. А. Веремко (2014), дворянки делали ставку именно на профессиональный заработок, поскольку имели достаточно хорошее образование, но «крайне слабые навыки в быту».

Через педагогическую практику дворянки получали возможность освоить новые социальные роли – они не только преподавали, но также занимались организацией учебно-воспитательной и методической работы в учебных заведениях, продвигали свои идеи о народном образовании через земство. Но это по-прежнему воспринималось как исключение (Аксареева, 2009, с. 159, 163).

По замечанию современных исследователей Н. Л. Пушкаревой и Н. А. Мицюк (2026, с. 73), либерализация российского общества, сопровождавшаяся изменениями в гендерном поведении, вела к поздним бракам. Образованные женщины могли получить сначала трудовой опыт и только потом выйти замуж. Тем не менее в среде потомственного дворянства сохранялся патриархальный уклад жизни, поэтому для трудоустройства нужно было одобрение родителей (Миронова, 2025, с. 390).

Материалом для исследования послужило эпистолярное наследие дворянок Казанской губернии – К. Н. Боратынской (2007) и М. Л. Казем-Бек (2016). Воспоминания Ксении Николаевны Боратынской позволили проанализировать мотивы ее преподавательской деятельности и отношения семьи к ее выбору, методику работы и взаимоотношения с учениками и выпускниками своей школы. Дневники Марии Львовны Казем-Бек представляют иную картину деятельности в сфере просвещения. Казем-Бек была начальницей институтов благородных девиц, поэтому основное внимание в ее записях уделено организационным вопросам, повседневной жизни институтов.

Практическая значимость исследования состоит в перспективе использования выявленных мотивов педагогической практики, способов учебно-воспитательной деятельности, трудности преподавательской и административной работы при реконструкции профессиональной деятельности казанских дворянок в период модернизации на рубеже XIX – начала XX в. как индикатора происходивших в высшем сословии социально-экономических процессов.

Обсуждение и результаты

Учительская карьера К. Н. Боратынской: внутренние установки и общественные представления о педагогическом труде дворянки, приемы, применявшиеся ею в образовательном процессе, препятствия, возникавшие в ходе профессиональной деятельности

Ксения Боратынская росла и воспитывалась в семье, где были развиты традиции благотворительности и представления о роли дворянства в народном просвещении. Отец К. Н. Боратынской, Николай Евгеньевич, всегда интересовался вопросами образования и воспитания. Он являлся председателем попечительского совета женского Мариинского училища на протяжении 17 лет, во время пребывания на земской службе входил в комиссию по народному образованию. Мать Боратынской, Ольга Александровна, занималась благотворительностью: входила в Казанский попечительный о бедных комитет, помогала нуждавшимся крестьянам в годы неурожая, устраивала бесплатные столовые (Загвозкина, 1991, с. 150). Вся эта деятельность носила общественный характер и не приносила доходов семье.

Казанская дворянка Ксения Боратынская зависела от отца, но как только у него расстроились финансовые дела, она подумала, что ее мечта о преподавании скоро осуществится (Боратынская, 2007, с. 103). Всей семьей Боратынские переехали в деревню: лето провели в большом доме, зиму – в утепленном двухэтажном дачном домике, а городская усадьба была сдана в аренду. Несмотря на «желание оказать семье материальную помощь», отец не пустил ее работать в школу. Тем не менее Ксения Николаевна, горячо увлеченная педагогикой и идеей просвещения народа, набрала группу деревенских детей: она бесплатно обучала их грамоте, совместно с братом Александром и сестрой Екатериной организовывала культурно-просветительский досуг ребят (Боратынская, 2007, с. 106, 138). Материальные затруднения родителя послужили поводом для того, чтобы озвучить свое желание учительствовать. Однако патриархальные сословные представления, не поощрявшие труд дворянок, выступили препятствием. Как следствие, Ксения Николаевна начала учительствовать, но не за деньги, а на общественных началах.

Однако с годами отношение семьи к увлечению дочери стало меняться. Старший брат Александр Николаевич сопровождал Ксению во время поездки к их дяде, известному педагогу С. А. Рачинскому в с. Татево Смоленской губернии. Когда Ксения Николаевна решила устроиться в Шушарскую земскую школу, Александр Боратынский лично отнес ее документы в учебное заведение. Под его же негласной опекой функционировала школа-интернат. Являясь предводителем дворянства Казанского и Царевококшайского уездов, А. Н. Боратынский председательствовал в училищном совете, который контролировал образовательный процесс в учебных заведениях.

Одновременно мать, О. А. Боратынская, позаботилась о быте дочери. Так, по ее настоянию для Ксении было организовано горячее питание по месту службы, а в родительском доме выделена комната под рабочий кабинет (Боратынская, 2007, с. 206).

В начале педагогического пути Ксения Николаевна искала поддержки у известных педагогов-современников. Среди них были российский ученый и создатель первой сельской школы с общежитием для крестьянских детей С. А. Рачинский, писатель и народный просветитель Л. Н. Толстой, учитель-методист И. М. Петяев.

В имении С. А. Рачинского К. Н. Боратынская могла лично наблюдать за тем, как устроена школьная жизнь. Местный учитель показал классную комнату на 70 человек, общежитие и кухню. Домашних заданий не было, но зимними вечерами проходили чтения и устный счет (Боратынская, 2007, с. 201). Исследователи отмечают, что за такое интенсивное обучение Сергей Александрович подвергался критике. Однако он сочетал умственный труд с физическим – работой и играми на свежем воздухе (Милюк, 2017, с. 122). Большое значение Рачинский придавал религиозно-нравственному воспитанию и довольно скоро перевел свою школу из-под земского контроля в церковное ведомство (Боратынская, 2007, с. 202). Не все деятели народного просвещения поддерживали такое решение (Миронова, 2023, с. 79).

Рачинский буквально жил школой: он приводил учеников в свою оранжерею, чтобы они видели растения, которые изучали. В самом учебном заведении находилось помещение, в котором Сергей Александрович ночевал с учениками на протяжении 20 лет. Он разработал и издал сборник математических задач (Боратынская, 2007, с. 203, 204). А на территории, где располагалась школа, был разбит парк с искусственными водопаями, пчельник и огород – все это создавало педагогическое пространство (Милюк, 2017, с. 122).

Понимая, насколько это тяжелый труд – организовать учебный процесс и быть педагогом и воспитателем, Рачинский не советовал племяннице посвящать себя учительскому делу полностью. Именно такой ответ она получила от него, когда впервые написала о своем желании преподавать. После поездки в Татево, несмотря на увиденные трудности, Боратынская не отказалась от своего намерения учительствовать, и уже осенью, по возвращении в имение, устроилась в Шушарскую земскую школу и вопреки заветам дяди «уходила в дело с головой» (Боратынская, 2007, с. 207).

Некоторые методы, увиденные в школе Рачинского, Боратынская старалась применить на практике. Среди них – индивидуальный подход к ученикам, вечерние занятия, а также трудовое и религиозно-нравственное воспитание. Со временем эти же методы получили развитие в ее школе-интернате для крестьянских детей, открытой в начале XX в. Более того, после занятий Боратынская посещала родителей своих учеников, чтобы познакомиться со средой, в которой жили и росли дети. И при необходимости старалась решить материальные проблемы, мешавшие ребенку посещать школу, например, купить обувь (Боратынская, 2007, с. 230).

В воспоминаниях К. Н. Боратынская постоянно рефлексировала по поводу отсутствия у нее смелости и твердости, необходимой в преподавательской деятельности. Она отмечает, что хромала дисциплина в классах, но вместо строгости она вела беседы и проявляла доброту, занимала детей, чтобы те не были предоставлены сами себе на переменах. При этом она критически относилась к работе своих коллег. Так, она отмечала «сухое, чиновничье отношение к делу, пресмыкание перед начальством, грубость» заведующего начальной школы, в которой она подрабатывала, будучи студенткой Казанской художественной школы (Боратынская, 2007, с. 179).

С целью обретения внутренней опоры она старалась следовать примеру авторитетных педагогов. Среди них был И. М. Петяев – учитель, приглашенный к детям старшей сестры Ксении Боратынской. Иван Матвеевич получил известность как автор методических разработок по преподаванию русского языка в инородческих и русских начальных училищах. А оказавшись в ссылке за сочувствие первой русской революции, стал организатором школ для мордовских детей (Баршова, 2012). Главное внимание в обучении Петяев обращал на знакомство с природой, для чего совершались ежевечерние прогулки, во время которых он вместе с учениками собирал цветы для составления гербария, а также насекомых и бабочек. К нему Боратынская часто обращалась за советами школьного характера (Боратынская, 2007, с. 226-227).

В период учительства в Шушарах у дворянки завязались романтические отношения с крестьянином из с. Соловцово. С ним занимался сначала Александр Боратынский. Вскоре уроки стала проводить и сама

Боратынская. Понимая, что возникшие чувства могут помешать ее работе, она всерьез задумалась над своей дальнейшей судьбой, перед ней встал выбор – преподавать или выйти замуж. Характерно, что Ксения Николаевна в этом вопросе чувствовала себя независимой от мнения родителей. Жених происходил из крестьянского сословия, но ко времени вступления в брак уже окончил учительский институт, успел побывать с учебной целью за границей. Сословные различия это не снимало, но приобретенная самостоятельность уже взрослой дочери оставляла за ней право выбора, хотя родители и сочувственно относились к ее решению. Перед ними был пример А. И. Геркен – дочери Зинаиды Евгеньевны – родной сестры Н. Е. Боратынского. Анастасия Ивановна полюбила земского врача, но поскольку ее родные были против, то тот женился на другой. Личная драма заставила дворянку переменить образ жизни: она окончила акушерские курсы, основала родильный приют и работала в нем, планировала поступить на медицинский факультет (Боратынская, 2007, с. 296). К. Н. Боратынская вспоминала: «Аристократические ее родственники были шокированы, но близкие ее, в том числе мать и брат, ей сочувствовали и помогали» (Музей Е. А. Боратынского, 2024).

За советом в этот переломный момент, в августе 1907 г., она отправилась в Ясную Поляну к русскому писателю и мыслителю Л. Н. Толстому. Некоторые аспекты его педагогического учения К. Н. Боратынская уже применяла на практике. В частности, она стремилась к толстовскому идеалу опрощения и воспитывала в себе отсутствие брезгливости: ела из крестьянской посуды ложкой, которую предварительно вытирала своим фартуком женщина-сторожиха, приготовившая суп (Боратынская, 2007, с. 208). Широкое использование экскурсий, творческой работы в виде сочинений – все это было навеяно толстовским учением. Однако на этот раз ее интересовали не столько школьные вопросы, сколько наставления личного характера. При этом она была убеждена, что «и Толстой не может убедить... в том, что лучшее назначение женщины – семья» (Боратынская, 2007, с. 365). Лев Николаевич заставил Ксению Николаевну сомневаться еще больше. Сначала он посоветовал ей замужество, то уже на прощание сказал, что раскаивается в столь определенном ответе, и если она чувствует в себе силы «посвятить себя на служение людям», то так и надо поступить (Боратынская, 2007, с. 372). В конечном итоге она вышла замуж, но создание семьи не помешало ей продолжить заниматься любимым делом.

Педагогическая деятельность М. Л. Казем-Бек: обстоятельства назначения М. Л. Казем-Бек на пост начальницы института, ключевые направления управленческой деятельности, урегулирование административных задач

М. Л. Казем-Бек с 1899 г. возглавляла Родионовский институт благородных девиц в Казани, а с 1908 – Елизаветинский в Санкт-Петербурге. Начальниц назначала Императрица по личному усмотрению. Мария Львовна имела хорошую репутацию – она была вдовой сенатора, занималась благотворительностью, имела связи в высших аристократических кругах. А троюродная сестра М. Л. Казем-Бек, Е. М. Ершова, с 1907 г. возглавляла Екатерининский институт (Смирнова-Макшеева, 1982, с. 8).

На службе Казем-Бек получила ряд государственных наград. Среди них Красный Крест, Мариинский знак. По ее признанию, особенно дорог ей был полученный по случаю 15-летней службы Мариинский знак, который был «приобретен своим трудом» (Казем-Бек, 2016, с. 421).

Любопытно отношение М. Л. Казем-Бек к женскому труду как источнику заработка. В 1913 г. в Государственном совете обсуждался и был решен отрицательно вопрос о допущении женщин к адвокатуре. В связи с этим дворянка записала в дневнике: «Станным мне кажется предполагать, что замужество или материнские обязанности являются результатом неимения гражданских прав» (Казем-Бек, 2016, с. 331). Она утверждала, что одинаковым является труд поденщицы и светской дамы, делающей визиты. И если женщине запретить адвокатскую деятельность, она будет вести бухгалтерский учет, но заработает меньше. Несмотря на то, что Казем-Бек стала начальницей только будучи вдовой, она не соглашалась с аргументом, что «семейные обязанности, в силу физических особенностей женщины, более связывают ее, и она менее может располагать собой для общественного служения» (Казем-Бек, 2016, с. 332).

Эти рассуждения соответствовали целям института, в котором девочки обучались рукоделию, а в 1893 г. были учреждены 2 педагогических класса для лучших учениц, главным образом из бедных семей. В 1908 г. было создано Общество вспомоществования бывшим воспитанницам Санкт-Петербургского Елизаветинского института и служившим в оном по воспитательной и учебной части. Общество оказывало материальную поддержку и помогало трудоустроиться выпускницам. Его почетной председательницей являлась М. Л. Казем-Бек (Елизаветинский институт, <https://encspb.ru/object/2855749548?dv=2853872336&lc=ru>).

Возглавив Елизаветинский институт, Мария Львовна продолжила светскую и общественную жизнь: она участвовала в благотворительных мероприятиях, церемониях, приемах, в том числе в личной аудиенции императрицы. Все это поддерживало публичный образ начальницы, помогало выстраивать отношения с попечителями и опекунами учебного заведения. Как видно из дневниковых записей Казем-Бек, это вовсе непростая обязанность: «...сегодня у меня было много хлопот по Институту. Пришлось столкнуться с Почетными Опекунами, и, как всегда в подобных случаях, пошла целая канитель...» (Казем-Бек, 2016, с. 450). Среди попечителей и опекунов были представители высшей аристократии. Некоторые участвовали в делах института трудами и оказывали ощутимую финансовую поддержку. Но в то же время имели свой взгляд на учебно-воспитательные процессы: могли направить все усилия на организацию торжественного приема официальных гостей, но при этом не понимать нравственного значения религиозного праздника (Казем-Бек, 2016, с. 458).

Деятельность начальниц находилась под контролем надзорных органов и общественности и нередко подвергалась критике. Так, М. Л. Казем-Бек была возмущена статьей в газете «Вечернее время», в которой говорилось о беспорядках в институте. Однако она не стала реагировать на эту заметку, чтобы не давать повода для дальнейших пересудов, так как считала, что обвинения несправедливы (Казем-Бек, 2016, с. 360). А вот ее коллега, начальница Павловского института С. П. Кейзерлинг, была отправлена в отставку после того, как главноуправляющий Собственной Его императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии А. А. Ливен нашел недостатки в воспитательной части (Казем-Бек, 2016, с. 329).

Немаловажную роль в работе Казем-Бек играли взаимоотношения с педагогическим коллективом. Она писала: «...в течение всех 15 лет моей службы Бог посылал мне – и здесь, и в Казани – хороших помощников и что отношения мои с ними... все время были превосходными. Это очень, очень большое счастье и важное условие для успеха дела» (Казем-Бек, 2016, с. 421). Так, по случаю получения Мариинского знака, сослуживцы преподнесли ей просфору и приветствие в обложке, прелестно оформленной учителем рисования Лоренцом. Хотя конечно иногда в дневниках отражалось чувство разочарования, возникавшее после обсуждения с коллегами некоторых рабочих вопросов: «Мой день сегодня был испорчен сильнейшим головокружением, которое вдруг произошло у меня во время обычного субботнего доклада классных дам» (Казем-Бек, 2016, с. 417). А в последние годы службы Казем-Бек все чаще писала о своей усталости и желании полного покоя, который постоянно откладывался по тем или иным причинам.

Кроме административных забот, важное место в деятельности Марии Львовны занимало общение с воспитанницами, а также организация их быта, обеспечение надлежащих санитарных условий и медицинского наблюдения. Все это составляло часть педагогики и внутриинститутской дисциплины. Предметом особой заботы стало поддержание здоровья учениц, поскольку это напрямую влияло как на общую атмосферу в учебном заведении, так и на взаимоотношения с их родителями. После каникул в институте нередко фиксировался рост заболеваемости инфекциями, привезенными воспитанницами из семей (брюшной тиф, корь, паротит и другие), что в отдельных случаях приводило к летальному исходу. По просьбе родителей детей не оставляли на домашнем карантине, а размещали в лазарете. При этом родители часто жаловались на плохое лечение. После очередной эпидемии в институте Казем-Бек писала: «Все это очень тяжело переживать, а потому неудивительно, что совершенно измучена душевно и физически» (Казем-Бек, 2016, с. 360). Приходилось решать ряд других бытовых вопросов: обеспечение института водой, устройство новых мест для воспитанниц (Казем-Бек, 2016, с. 420, 452). Также Казем-Бек сопровождала учениц на торжественные мероприятия с участием крупных государственных сановников и членов императорской фамилии.

Казем-Бек не описывала подробно учебные процессы. Цели и ценности воспитания не становились предметом для анализа на страницах дневника. Лишь вскользь были упомянуты ее переживания по поводу патриотического настроения воспитанниц: «Унесут ли они из института горячую любовь к России?» (Казем-Бек, 2016, с. 339). Вероятно, это было связано с тем, что в круг ее должностных обязанностей входило решение прежде всего организационных вопросов.

Заключение

Таким образом, К. Н. Боратынская была начинающим педагогом, которая много училась, советовалась с авторитетными людьми, выбирала жизненный путь. Напротив, М. Л. Казем-Бек была начальницей Института уже в зрелом возрасте, поэтому ее профессиональная деятельность в источниках предстает как устоявшийся повседневный уклад с четко отлаженными административными процессами.

Учительская деятельность К. Н. Боратынской стала примером эмансипации дворянки в конце XIX – начале XX в. Вдохновленная педагогическим опытом С. А. Рачинского и Л. Н. Толстого, она выбрала этот путь. В нем соединились ее личная склонность к учительству, желание помогать крестьянам, а также профессиональная самореализация, к которой в пореформенный период стремились женщины и, в частности, представительницы дворянских сословий.

Если Боратынской пришлось пробивать дорогу к учительству, то назначение Казем-Бек на директорскую должность было определено ее положением в обществе и не противоречило представлениям о роли дворянки.

В то же время обе не выходили за рамки «женской роли» и посвятили себя воспитанию и образованию подрастающего поколения. Деятельность К. Н. Боратынской была уделом бедных дворянок, директорская должность М. Л. Казем-Бек – привилегия.

К. Н. Боратынская, избрав профессию учителя, работала среди крестьянских детей, в сельской местности. Воспитанницами М. Л. Казем-Бек были девочки из высшего сословия, хотя порой и из нуждавшихся семей. Но в обоих случаях дворянки стремились учиться в течение времени, и дети получали трудовые навыки и умения. При этом каждая из них чтит традиции сословия, которому принадлежали ученики. Ксения Николаевна не хотела отрываться от земли. Как и ее брат, она хотела, чтобы полученные знания пригодились воспитанникам в их жизни в деревне.

Санкт-Петербургский Елизаветинский институт готовил благородных девиц прежде всего к светской и семейной жизни. При этом появление педагогических классов, открывая путь к профессиональной самореализации, не должно было способствовать упразднению функции женщины как матери и воспитательницы.

Дальнейшее изучение темы возможно по следующим направлениям:

- привлечение таких делопроизводственных документов, как уставы учебных заведений, отчеты и деловая переписка, с целью изучения должностных обязанностей дворянок, работавших в учебных заведениях, их нагрузки, размера заработной платы, условий труда;
- изучение педагогической деятельности казанских дворянок, находившихся на других должностях в учебных заведениях, а также осуществлявших частную преподавательскую практику;
- исследование примеров педагогической практики личных дворянок для создания комплексной картины учебно-воспитательной работы представительниц высшего сословия в провинции.

Материалы исследования | Research materials

1. Боратынская К. Н. Мои воспоминания. М.: Зебра Е; Альта-Принт, 2007.
2. Елизаветинский институт // Энциклопедия Санкт-Петербурга. <https://encspb.ru/object/2855749548?dv=2853872336&lc=ru>
3. Казем-Бек М. Л. Дневники. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016.
4. Музей Е. А. Боратынского. 2024. 8 января. <https://ok.ru/group/62415107064024/topic/156370759442648>
5. Смирнова-Макшеева Т. А. СПб. Екатеринбургский Институт. Воспоминания 1900–1909 гг. Париж: Imprimerie “Syntaxis”, 1982.

Источники | References

1. Аксареева В. Г. «Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией...»: мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35.
2. Баршова О. А. Роль института директоров и инспекторов народных училищ в деле просвещения и образования мордовского народа // Интеграция образования. 2012. № 2 (67).
3. Веремченко В. А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 4.
4. Загвозкина В. Г. Литературные тропы: поиски, встречи, находки. Казань: Тат. книж. изд-во, 1991.
5. Милько Л. В. Социально-педагогическая деятельность С. А. Рачинского // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2017. № 3-2 (3).
6. Миронова Е. В. Письма Боратынских в Татеве: источниковедческий анализ // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15. № 3 (67).
7. Миронова Е. В. Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 5. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399>
8. Миронова Е. В. Социально-экономический портрет сотрудниц почтово-телеграфного ведомства Казанской губернии по архивным документам второй половины XIX – начала XX века // Вестник архивиста. 2026. № 2. <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2026-2-607-622>
9. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). <http://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.7>

Информация об авторах | Author information

Миронова Елена Валерьевна¹, к. ист. н.

¹ Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Yelena Valeryevna Mironova¹, PhD

¹ Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ Yelena.Mironova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.08.2026; опубликовано online (published online): 07.09.2026.

Ключевые слова (keywords): источники личного происхождения; казанские дворянки; педагогическая деятельность; начальница института; sources of personal origin; Kazan noblewomen; pedagogical activity; headmistress of an institute.